КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го августа № 15. 1867 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПОДЛЯСЬЯ.

II.

Посмотримъ еще на торжественное совершеніе литургіи въ унитской церкви, которое бываетъ въ храмовые праздники, или въ отпусты Для этого лучше всего поѣхать въ г. Бѣлу, къ одному изъ праздниковъ въ честь Іосафата Кунцевича, которые бываютъ 16-го сент. и 2 ноября.

Вы видите прекрасную, въ стилѣ католическомъ, огромную, но страшно запущенную церковь. Она построена вначалѣ 18 вѣка бывшими владѣльцами г. Бѣлой—Радзивиллами, которые основали здѣсь еще во второй половинѣ 17-го вѣка василіанскій монастырь (уничтоженный въ 1864 году). Въ церковной оградѣ собрано множество еще наканунѣ пришедшаго сюда и ночевавшаго здѣсь простаго народа—съ физіономіями, какія въ теченіи всего лѣта во множествѣ вы видите на погостѣ кіево-печерской лавры. Миновавъ первыя толпы, вы видите здѣсь глубоко потрясающее явленіе. Длинною вереницею ползетъ на колѣняхъ вокругъ церкви убогое крестьянство (конечно, ни одна

пани, ни одинъ панъ не исполнитъ этаго обряда)—мущины и женщины, старые и малые, набожно нашептывая разныя молитвы и дыша глубокою простодушною вѣрою и тихимъ религiознымъ чувствомъ.Ползетъ одна группа, къ ней присоединяется другая, третья, все больше и больше, такъ что вокругъ церкви образуется сплошное движущееся кольцо. Три раза каждый богомолецъ обойдетъ колѣньми вокругъ огромной церкви.—Вотъ проходятъ въ церковь прiѣзжiе священники унитскiе—а можетъ быть, это и ксендзы католическiе, не разберешь до богослуженiя—прошелъ старый доминиканецъ изъ Янова, реформатскiй монахъ изъ Бѣлой, паулинскiй монахъ изъ Лесна и др., оставленные при своихъ закрытыхъ монастыряхъ для совершенiя богослуженiй. Проходятъ разнаго рода мѣстные паны и пани, и, разрывая ползущую массу, идутъ прямо въ церковь.—Войдемъ и мы въ церковь.

Кто бывалъ въ кiево-подольской петропавловской (семинарской) церкви, тотъ сейчасъ вспомнитъ ее, такъ эти двѣ церкви схожи между собою по внутреннему расположенiю. Среди церкви скамьи, на хорахъ большой органъ, иконостасъ довольно свѣжiй (построенный при кн. Паскевичѣ), съ растворенными царскими вратами, сквозь которыя въ олтарѣ столпилось уже множество мущинъ и женщинъ. Говорятъ, что сейчасъ окончилась тамъ *вотива* (ранняя литургiя). У лѣваго, ближайшаго къ олтарю, столба (быка) находится высокая каѳедра, съ славянскою и польскою надписью стиха: *Прiйдите, ч. да, послушайте мене*... У праваго, противуположнаго столба вы видите обыкновенный католическiй престолъ, а надъ нимъ ближе къ стѣнѣ столба, деревянный, позолоченный закрытый гробъ, съ

стеклянными оконцами въ немъ со стороны головы и со стороны ногъ. Это гробъ, въ которомъ находятся, по словамъ унитовъ, *мощи* (?) Іосафата Кунцевича, патрона уніи, Литвы и Польши, фанатическаго гонителя православія, убитаго православными въ Витебскѣ въ 1627 году; по словамъ Бантышъ-Каменскаго, въ этомъ гробѣ лежитъ «восковая фигура» Кунцевича, а по словамъ другихъ, найболѣе правдоподобнымъ,—подложныя мощи. Извѣстно, что эти мнимыя мощи, во время шведской войны и занятія русскими войсками Бѣлоруссіи, вдругъ изчезли изъ Полоцка. По словамъ унитовъ, онѣ отправились подальше отъ москалей—схизматиковъ, скрываемы были въ Замостьѣ и другихъ мѣстахъ, пока, наконецъ, нашли себѣ пріютъ въ замковой каплицѣ Радзивилловъ, въ г. Бѣлой. Радзивиллы тотчасъ начали строить для нихъ настоящій пріютъ—великолѣпную церковь при Бѣльскомъ, основанномъ ими, василіанскомъ монастырѣ, съ торжествомъ перенесли ихъ въ эту церковь, въ которой онѣ остаются доселѣ. Попросивъ кого либо подержать у окошечка въ головахъ гроба зажженную свѣчку, посмотрите въ окошечко со стороны ногъ,—вы видите человѣческую фигуру въ архіерейскомъ облаченіи, съ епископскимъ католическимъ перстнемъ (надѣтымъ нынѣшнимъ подлясскимъ католическимъ епископомъ, Шиманскимъ) на среднемъ пальцѣ правой чорной руки, подъ митрою чорное засохшее лице, полуоткрытое. Если бы вамъ удалось когда либо упросить настоятеля церкви открыть гробъ и показать это лицо (но теперь это невозможно, потому что ключъ отъ гроба отобранъ у настоятеля холмскою консисторіею), вы увидѣли бы, что лицо это вовсе не старческое, какое было у старца—Кунцевича, и при-

томъ безбородое, тогда какъ Кунцевичъ, по обычаю, носилъ бороду и довольно густую. При этомъ, если вы были въ подвалахъ Бѣльскаго же по-реформатскаго монастыря и видѣли здѣсь огромное множество открыто стоящихъ гробовъ съ остатками мертвыхъ, между которыми есть полуистлѣвшіе и по мѣстамъ засохшіе, между которыми могъ быть субъектъ, подобный недавно изслѣдованному въ минской губерніи Флавіану Малишевскому, у васъ невольно родится догадка, которая неотвязчиво будетъ преслѣдовать васъ, если, зная про загадочныя таинственныя путешествія бѣлорусскихъ *мощей* Кунцевича, вы припомните, что, до возсоединенія бѣлорусскихъ унитовъ, полоцкіе василіане показывали въ своей церкви другой *гробъ съ мощами Кунцевича* (?), въ которомъ, по вскрытіи его въ 1839 году, оказались только клочки волосъ и платья. Но затаимъ въ себѣ до времени эти и подобныя догадки, потому что унитамъ крайне опасно сообщать что нибудь подобное. Страшную ненависть возбуждаетъ въ унитскомъ духовенствѣ имя М. О. Кояловича, высказавшаго свою мысль о подложности мощей Кунцевича, и особенно усиленно съ тѣхъ поръ оно пропагандируетъ въ народѣ въ пользу безусловной истинности этихъ мощей.

Надъ этимъ гробомъ находится въ рѣзномъ кіотѣ икона, представляющая общій типъ мученика, съ пальмовою вѣтвію въ рукѣ. Но вотъ подходитъ «закрыстыянъ» (пономарь), дергаетъ веревку у столба, и икона эта опускается внизъ, а на мѣстѣ ея является изображеніе Кунцевича, въ архіерейскомъ облаченіи, безъ митры, съ *бородою* и длинными волосами и съ топоромъ, воткнутымъ въ голову,—глаза его устремлены

къ небу, все лицо выражаетъ невинное и безмолвное страданіе, и ни слѣда варварской жестокости, тиранившей православныхъ тысячами.—На хорахъ раздаются звуки органа, играющаго introitum. Изъ олтаря выходитъ и направляется къ гробу Кунцевича, въ полномъ католическомъ облаченіи, доминиканскій монахъ и начинаетъ служить латинскую «спевану мшу.» Въ то же время на боковыхъ престолахъ унитскіе священники совершаютъ «циху мшу» славянскую (до какой степени унитство уродуетъ это высоко-торжественное восточное богослуженіе!). Кончена латинская мисса. Простодушный народъ, ползавшій колѣньми вокругъ храма, подходитъ къ гробу и молится, потомъ густою массою начинаетъ двигаться на колѣняхъ вокругъ всего столба, при которомъ стоитъ гробъ... Окончили и унитскіе священники тихую литургію, пріобщаютъ народъ. Потомъ, стоя подлѣ престола, произносятъ: «За душе змарлыхъ, Здровась Марья, ласки пелна... Здровась Марья, ласки... Здровась...» Подходитъ набожная крестьянка, ложитъ предъ священникомъ на престолъ нѣсколько грошей и шепчетъ ему завѣтное имя, послѣ чего священникъ громко произноситъ: «За душе змарлэго N проше змувиць тши разы Здровась Марья... Здровась Марья... Здровась Марья...» Подходятъ старые и малые, кучка мѣдныхъ денсгъ предъ священникомъ растетъ и растетъ, и вновь повторяется священникомъ и вслѣдъ за нимъ раздается шопотъ въ народѣ: «Здровась Марья... Богородице Діво ..» Около инаго престола обрядъ этотъ исполняетъ, вмѣсто священника, холмскій семинаристъ въ бѣлой рубахѣ поверхъ *сутаны*.

Но вотъ изъ передовыхъ скамей раздается пѣніе какихъ-то польскихъ пѣсней. Поютъ мѣстные мѣщане—

братчики церковные, сильно нафанатизированные именемъ Кунцевича и уніи. Это—*рожанецъ* въ честь патрона уніи, наполненный такими похвалами ему, какія можетъ измыслить только польско-езуитская фантазія: въ немъ все есть—и езуитская ненависть къ «схизматикамъ,» и польскія бредни объ «ойчизнѣ,» состоящей изъ Польши и литовско-рускихъ областей, и католическія стремленія къ царству на землѣ единаго «пастержа» (папы) и под. Оставимъ ихъ пѣть, и пойдемъ съ народомъ въ олтарь. Здѣсь вы прежде всего видите стекляный продолговатый престолъ, придвинутый къ стѣнѣ, сторона его отъ стѣны завѣшана, а полъ въ немъ устланъ шолковыми и бархатными платами. Что это за фантазія?... Надъ престоломъ громадныхъ размѣровъ картина въ золоченной великолѣпной рамѣ, представляющая смерть Кунцевича. Русскій православный народъ, съ бородами, съ звѣрскими лицами, кто съ пистолетомъ, кто съ топоромъ, кто съ дубинами, густою толпою бросаются на него. Пораженный выстрѣломъ, Кунцевичъ падаетъ на руки какихъ-то бритыхъ и стриженыхъ молодыхъ монаховъ, а въ это время выступившій впередъ, бородатый, съ засученными рукавами атлетъ взмахиваетъ топоромъ.. Православно-русская группа на этой картинѣ—дикая орда варваровъ, а польско-унитская — ангелы во плоти, устремившіе глаза къ небу и оттуда ожидающіе надежды и утѣшенія. Въ художественномъ отношеніи картина эта великолѣпно представляетъ польско унитскую мысль (Художнику, писавшему эту картину, заплочено 2700 руб. сер.). И эта картина, и стекляный престолъ, предназначавшійся для помѣщенія въ немъ мощей Кунцевича, сдѣланы и поставлены были одновре-

менно, не задолго до послѣдняго мятежа, заправителями революціонныхъ приготовленій въ Подлясьѣ, на деньги собранныя преимущественно отъ подлясскихъ помѣщиковъ. Агитаторы мятежа задумали торжественно укрѣпить связь унитскаго народа съ польско-католическимъ и нафанатизировать его противъ «москалей-схизматиковъ.» Престолъ и картина поставлены были при огромныхъ процессіяхъ и церемоніяхъ многочисленнаго, съѣхавшагося въ Бѣлу, унитскаго и католическаго духовенства, причемъ то и другое духовенство, въ многочисленныхъ проповѣдяхъ и разговорахъ не щадило языка противъ «схизматиковъ.» Въ то же время въ толпахъ тысячами раздавали маленькія бумажныя картинки съ изображеніемъ Кунцевича, при чемъ подставные агитаторы кричали въ иныхъ мѣстахъ: «смерць схизматыкамъ,» и ораторствовали предъ окружающими ихъ на счетъ «ойчизны и москалей.» Это была одна изъ омерзительнѣйшихъ демонстрацій тогдашняго времени. Это былъ безумнѣйшій вызовъ цѣлому шестидесяти-милліонному народу русскому, попытка торжественнаго отреченія именемъ здѣшней горсти *русиновъ* отъ всякаго родства съ *русскими* и снабженія унитовъ ножами противъ православныхъ братьевъ ихъ. Тогда же, для той же цѣли, революціонною партіею распочаты были предъ папою хлопоты о торжественной канонизаціи Кунцевича, съ обѣщаніемъ отъ имени Польши заплатить сто тысячъ, необходимыхъ для церемоніи канонизаціи. Но судьба жестоко осмѣяла всѣ эти манифестаціи. Прежде чѣмъ собрались переложить въ стекляный гробъ—престолъ мощи Кунцевича, поднялся мятежъ и *москали* расположились въ Бѣлой. *Русины* нетолько не взялись за ножи противъ моска-

лей схизматиковъ, но ловили и передавали въ ихъ руки пановъ—повстанцевъ. Кромѣ унитскихъ священниковъ и многихъ мѣщанъ, никто изъ унитскаго народа не понялъ даже смысла этой манифестаціи и смутно представлялъ себѣ сюжетъ самой картины. Мнѣ не разъ приходилось слышать изъ устъ крестьянъ объясненіе смысла этой картины: народъ увѣренъ, что Кунцевича убили «жиды,» и на физіономіяхъ убійцъ на картинѣ указываетъ даже *пейсики раввина*... Многимъ казалось, что снятіе этой картины вызоветъ бунтъ въ народѣ, но ее сняли (въ 1865 году, теперь она находится въ московскомъ музеѣ), и ни одинъ крестьянинъ—унитъ не выразилъ даже недовольства на это. Паны наказали за все это «глупе быдло унитское» тѣмъ, что не дали ни одного злотаго на канонизацію Кунцевича, и папа за это публично выразился о нихъ—одинъ только этотъ разъ онъ выразился о нихъ справедливо—именно, что «поляки способны только компрометировать всякое дѣло». Но для поляковъ и католическаго духовенства Кунцевичъ ничего не значилъ, онъ былъ тогда нуженъ имъ только какъ орудіе для революціонныхъ цѣлей; вышло орудіе неудачнымъ, и они бросили его и теперь открыто смѣются надъ унитскимъ духовенствомъ, простодушно вѣрующимъ, будто поляки въ самомъ дѣлѣ считаютъ Кунцевича «патрономъ Литвы и Польши,» какъ то поется въ литаніи въ честь его. Ни одинъ панъ и ни одна пани не заглянутъ въ Бѣльскую церковь съ намѣреніемъ помолиться этому мнимому патрону ихъ, они считаютъ такую молитву «хлопствомъ.» (1). Подлясское латинское духовенство, глав-

(1) Но когда папа не на шутку принялся за дѣло канонизаціи и нашелъ для этаго средства, поляки снова по-

нымъ образомъ распоряжавшееся этими манифестаціями, еще прежде того порѣшило участь Кунцевича и самаго унитства. Въ 1859 году оно выпросило и съ необыкновенными церемоніями перевезло изъ Рима часть мощей Виктора *поляка 4-го вѣка* (!) въ г. Яновъ, въ сосѣдство съ Кунцевичемъ (Яновъ отъ Бѣлой въ 18 верстахъ); уступая послѣднему громкую славу патрона Литвы и Польши, оно избрало болѣе скромный титулъ для св. Поляка 4-го вѣка, именно титулъ «патрона Подлясья,» русско унитской страны; въ самое короткое время успѣло снабдить всѣ унитскіе домы изображеніями его, убѣдить унитское простонародье въ превосходствѣ Виктора предъ Іосафатомъ и сдѣлать отпусты его несравненно болѣе популярными въ средѣ его, чѣмъ отпусты побѣжденнаго или точнѣе—проведеннаго соперника его. Унитское духовенство, которое само принимало горячее участіе въ процессіяхъ перенесенія мощей поляка 4-го вѣка, выходя на встрѣчу имъ съ цѣлыми приходами своими и совершая въ поляхъ литургіи, спохватилось потомъ, но уже было поздо. Нашелся въ средѣ его ревнитель привиллегіи и славы

спѣшили употребить Кунцевича въ свою пользу и высказать вполнѣ, какъ они хотятъ понимать его и какъ презираютъ въ немъ унію и унитовъ. Заграничныя польскія газеты (краковскій Czas и Gazeta Lwowska) сообщаютъ, что въ день канонизаціи Кунцевича (17—29 іюня с. ст.) въ римскомъ папскомъ соборѣ, на одномъ изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, нарисованъ былъ Кунцевичъ «въ райскомъ сіяніи, выводящій изъ тюрьмы поляка въ красной конфедераткѣ и зеленомъ контушѣ» (Достойная честь!) При этомъ торжествѣ эмигранты—поляки и римскіе василіане нанесли тяжкое оскорбленіе присутствовавшимъ здѣсь Львовскому унитскому митрополиту Литвиновичу, каѳедральному протоіерею Куземскому и всѣмъ галицко-унитскимъ священникамъ.

Кунцевича и съ каѳедры протестовалъ противъ соперника его. Но за эту дерзость его заставили съ каѳедры же принести покаяніе въ своихъ безбожныхъ словахъ и признать святость и патронатство надъ унитами—русинами Поляка 4-го вѣка. Вскорѣ затѣмъ рѣшились задобрить унитовъ манифестаціями въ честь Кунцевича...

Надъ главнымъ престоломъ зажигаются свѣчи, звонитъ звонокъ, органъ играетъ introitum, изъ боковыхъ дверей выходитъ въ ризахъ священникъ въ сопровожденіи діакона и иподіакона. Вы всматриваетесь въ лицо діакона, и узнаете въ немъ хорошо знакомаго вамъ унитскаго священника. Что за метаморфоза? Католическій обычай. Литургія совершается, *для большей церемоніи*, съ малымъ и большимъ выходами. По прочтеніи евангелія, на каѳедрѣ является монахъ ордена маріановъ-чистокровный польскій казнодзѣя. Имѣйте терпѣніе выслушать эту проповѣдь его, это заносчивое польско-католическое фиглярство предъ «хлопами.» Проповѣдникъ избралъ тему о грѣхѣ клятвопреступленія. Почему? Ужь не хочетъ ли онъ напомнить унитству о клятвѣ его рѣзать въ честь Кунцевича *москалей?* Нѣсколько разъ выражается онъ, что, желая уяснить свою мысль, будетъ говорить къ простымъ слушателямъ «простымъ ензыкемъ,» но за этимъ слѣдовали только площадныя сравненія и смѣхотворныя изображенія, въ родѣ того, напр., что, при фразѣ: клятвопреступникъ носитъ на языкѣ своемъ «самего дябла,» онъ пальцемъ тычетъ себѣ въ ротъ. Слѣдуетъ за душе змарлыхъ тши разы «Здровась Марья»... и за симъ длинное обращеніе проповѣдника къ гробу Кунцевича съ біеніемъ себя въ грудь, плачемъ и совсѣми другими пріемами и цвѣтами польско-католическаго проповѣдничества.

Окончилась литургія. Въ олтарѣ суета, собирается много священниковъ въ эпитрахиляхъ, со свѣчами въ рукахъ, отъ скамей поднимаются хоругви. Священнодѣйствовавшій беретъ въ руки *монстранцію* и, обратившись къ народу, запѣваетъ: «По-слу-хай-це.» Не успѣлъ онъ кончить послѣднюю ноту, какъ толпа мѣщанъ восторженно подхватываетъ: «цо зробила въ Витебску злыхъ людзи сила...» Играетъ органъ, гремятъ бубны на хорахъ,—процессія обходитъ три раза вокругъ храма съ пѣніемъ этой пѣсни въ честь Кунцевича.

Вечеромъ того дня, вмѣсто восточной Вечерни, совершается опять процессія съ монстранціею, по окончаніи которой, предъ гробомъ Кунцевича, поется въ честь его литанія.

Мы видѣли праздникъ въ собственномъ смыслѣ унитскій. Кунцевичъ, это—ядро уніи, прибѣжище и сила ея. Подобнымъ образомъ искалѣченъ весь составъ унитскаго богослуженія и въ мысли, и въ характерѣ, и во всѣхъ частяхъ своихъ. Въ субботу вечеромъ униты рѣдко гдѣ совершаютъ какое либо богослуженіе. Наканунѣ большихъ, особенно храмовыхъ праздниковъ совершаютъ *всенощную*. Но такой всенощной вы не найдете ни въ одномъ уставѣ. Съѣдутся нѣсколько священниковъ и какъ уговорятся, такъ и служатъ, выбрасывая всѣ чтенія, малыя эктеніи и—кто что вздумаетъ. Многіе праздники, особенно напоминающіе Востокъ, или вовсе изгнаны изъ календаря или измѣнены въ своей мысли. Вовсе уничтожены праздники: *Іоанна Богослова* (8 мая), *Перенесеніе мощей св. Николая* (9 мая), *Усѣкновеніе главы Предтечи* (29 авг.); ослаблено значеніе *Покрова пр. Богородицы* и *Трехъ святителей*—столповъ восточной

церкви. Совершенно измѣнена мысль праздника *Богоявленія,* униты знаютъ въ этотъ день только праздникъ «Тшехъ крулювъ» (какъ у католиковъ) и не совершаютъ торжественнаго освященія воды. *Зачатіе св. Анны* (9 дек.) измѣнено въ «Непокаляне Зачевце» (Пренепорочное Зачатіе) — праздникъ, установленный въ Римѣ въ 1856 году.—Введено празднованіе *Тѣла Господня,* въ 10-й день по сошествіи св. Духа по юліанскому календарю, какъ католики празднуютъ его въ тотъ же день по григоріанскому. Не только проповѣдь, но и исповѣдь производится унитскими священниками на польскомъ языкѣ.—Всѣ религіозные обычаи католиковъ перешли въ унію, всѣ восточные или изгнаны или совершенно преобразованы въ своемъ духѣ и значеніи. Но что особенно поражаетъ въ этомъ случаѣ безпристрастнаго наблюдателя, это полное отсутствіе единства и совершенный личный произволъ каждаго священника въ богослуженіи и во всей богослужебной дѣятельности. Одинъ свято соблюдаетъ то, что другой называетъ схизмою или безсмыслицею, и всѣ не соблюдаютъ ни требованій своихъ богослужебныхъ книгъ, ни даже позднѣйшихъ унитскихъ уставовъ и не допускаютъ надъ собою въ этомъ отношеніи ничьего контроля, выше всего ставя личное свое воззрѣніе.

Какимъ образомъ произошло это страшное опустошеніе въ восточномъ унитскомъ богослуженіи, и откуда явилось это невиданное ни въ одномъ христіанскомъ исповѣданіи самоволіе духовенства? Зайдемъ къ священнику, можетъ быть отъ него узнаемъ все это.

ЛАНДШАФТЪ ВЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ.*)

Ландшафтъ въ буквальномъ переводѣ значитъ *сельскій видъ*. Въ живописи этимъ именемъ называется картина, на которой главный предметъ не человѣкъ или животное, какъ на другихъ, а неодушевленная природа, именно: a) виды разныхъ мѣстностей—деревня, ущелье, озеро, роща и т. п., b) явленія изъ жизни природы: утро, вечеръ, гроза, морская буря, наводненіе, c) сельскія сцены: сборъ винограда, охота, пожаръ въ деревнѣ и т. д. Живописецъ, занимающійся рисованіемъ видовъ, называется ландшафтнымъ живописцемъ, *пейзажистомъ*. Пейзажемъ или ландшафтомъ называется вся обстановка (коль скоро дѣйствіе происходитъ на вольномъ воздухѣ) и въ тѣхъ картинахъ, гдѣ человѣкъ занимаетъ главное мѣсто, напримѣръ: берега Іордана, вода, скалы, деревья на иконѣ крещенія Господня.

Изображеніе, гдѣ человѣкъ занимаетъ не главное мѣсто картины, составляетъ не первый предметъ для вниманія зрителя, однимъ словомъ ландшафтъ въ собственномъ смыслѣ,—былъ вовсе почти неизвѣстенъ древнимъ. Они не знали ни перспективы, ни свѣтотѣни,

---

*) Изъ «Душепол. Чтенія» Мартъ, 1867 г.

а безъ нихъ пейзажъ невозможенъ. Дошедшія до насъ въ этомъ родѣ картины (напр. ущеліе, въ сценѣ встрѣчи Улисса съ царевною Лестригоновъ, въ Помпейскихъ фрескахъ) составляютъ скорѣе силуеты, чѣмъ виды или пейзажъ. Во весь періодъ господства Византійской школы, т. е. почти во все продолженіе среднихъ вѣковъ, пейзажъ составлялъ не болѣе какъ фонъ картины, обстановку событія, но навыкъ уже пріобрѣтался и техника совершенствовалась. Со временъ такъ называемаго возрожденія искуства (съ 15 вѣка) ландшафтъ начинаетъ пріобрѣтать самостоятельное значеніе, какъ особая отрасль живописи. Таціанъ (Итальянецъ † 1576 г.) первый осмѣлился изображать природу для нея самой, а не какъ аксессуаръ или фонъ къ историческому событію. За тѣмъ мало по малу пейзажъ сдѣлался самостоятельнымъ родомъ искуства. Пуссенъ (Французъ † 1665 г.) писалъ уже чистые ландшафты, придавая только для формы имъ историческую тему, таковы его пейзажи: Весна—(Адамъ и Ева въ раю), Лѣто (Воозъ и Руѳь), Осень (Гроздъ Ханаанскій), Зима (Потопъ). Ныньче и этого не дѣлаютъ (а).

Изъ этого краткаго очерка исторіи ландшафтной живописи читатель можетъ видѣть, что ландшафтъ, какъ особая самостоятельная отрасль живописи, почти не примѣнимъ въ церкви. Впрочемъ, обращаясь къ исторіи первенствующей Церкви, мы видимъ тамъ нѣчто въ родѣ пейзажа самостоятельнаго. Такъ наприм. на нѣкоторыхъ христіанскихъ памятникахъ видится изображеніе горы, изъ которой текутъ четыре источ-

(а) Подробнѣе см. Карт. Галлер. Европы 1865 № 11. Пуссеновъ потопъ (снимокъ), см. Живописная Энциклопедія 1847 Т. 1. стр. 65.

ника (Евангеліе), водами которыхъ утоляютъ свою жажду олени и голуби. Это конечно аллегорія, но все же это ландшафтъ, если можно такъ назвать—символическій, приточный, иносказательный. Въ одной Римской церкви въ 424 г. были мозаикой изображены виды Іерусалима и Виѳлеема (б). Конечно при тогдашнихъ воззрѣніяхъ на искусство—это было не то, что нынѣ называется *видомъ*, т. е. пейзажъ, портретъ мѣстности: это вѣроятно были идеальныя изображенія мѣстъ, видѣвшихъ рожденіе и смерть Господа Іисуса Христа, но все же это былъ пейзажъ, т. е. картина, въ которой первенствуетъ не человѣкъ, а мѣсто. Въ церкви Галлы Плакидіи въ Равеннѣ (V в.) полукруглыя окна росписаны зеленью и деревьями, среди которыхъ крадутся олени, направляясь къ символическому водоему (в). Въ храмѣ С. Апполлинарія въ Равеннѣ на мозаической картинѣ Преображенія видны цвѣты и деревья, между которыми сидятъ голуби и пасутся агнцы (г). Отъ чего же и ныньче не подражать этимъ примѣрамъ? Развѣ не умѣстны будутъ на стѣнахъ церкви виды Іерусалима, Виѳлеема, Ѳавора, Назарета? Отъ чего не допустить въ церкви изображенія: потопа, гибели Содома? Одно напоминало бы зрителю внезапную и страшную казнь перваго міра и символически изображало Церковь въ видѣ Ноева ковчега, другое, представляя казнь беззаконниковъ, предъизображало бы будущую грозную судьбу настоящаго міра. Особенно были бы умѣстны эти картины по сторонамъ иконы страшнаго суда въ

(б) Странникъ 1862 г. Май. «Объ искусствахъ др. христіанъ.» С. С. Матвѣевскаго. Прав. Обозр. 1866 г. Февр.

(в) Сборникъ общ. древне-русскаго искуства М. 1866. Ч. II, стр. 15.

(г.) Тамъ же и рисунокъ при стр. 52-й 1-й части.

притворѣ церкви, гдѣ толпится народъ въ ожиданіи богослуженія.

Въ современной практикѣ иконописанія пайзажъ примѣнимъ не болѣе какъ фонъ для изображаемаго событія и то въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Иконы верхнихъ ярусовъ нашихъ иконостасовъ имѣютъ обыкновенно узкую продолговатую форму, такъ что на нихъ только и умѣщается фигура изображаемаго святаго. Въ иконахъ втораго яруса пишутся обыкновенно господскіе праздники, и тутъ есть возможность показать талантъ ландшафтному живописцу, напр. на иконахъ Крещенія, Преображенія, Входа въ Іерусалимъ; но а) часто эти иконы пишутся по золотому полю,— тутъ пейзажъ не мыслимъ, не возможенъ; в) иконы эти помѣщаются обыкновенно довольно высоко, а размѣры ихъ не велики:—изъ-за чего же художникъ станетъ стараться объ отдѣлкѣ акцессуаровъ, когда зритель за дальностію и мелкостію не въ состояніи разобрать и оцѣнить тщательность и тонкость работы; с) изстари установившійся взглядъ на иконы таковъ, что онѣ должны служить для одного назиданія и поученія, и что поэтому будтобы грѣшно писать ихъ художественно: слѣдовательно иконописецъ и не находитъ особенно нужнымъ заняться украшеніями, второстепенными предметами, обстановкой картины. Отъ этого большая часть иконописцевъ очень слабы въ пейзажной живописи и потому не охотно пускаются въ отдѣлку ландшафтной части, и изображенія дѣлаютъ какъ нибудь въ общихъ чертахъ, почти въ намекахъ.

Вообще эта часть иконописи находится теперь въ жалкомъ положеніи. Посмотрите на большую часть иконописныхъ иконъ, даже тщательно исполненныхъ:

пейзажъ никуда не годится. Вмѣсто облаковъ какіе то кружечки, разложенные полукругомъ въ верхней части иконы; вмѣсто горъ костры щепъ; скалы такія замысловатыя (пещера Иліи, Рождество), что онѣ походятъ на полярные льды, или вѣтви, на коралы или сталактиты, а отнюдь не скалы. Вода изображается непремѣнно синяго крашенинная цвѣта съ бѣлыми клубками или кудрями, которые означаютъ волны (потокъ Хоравъ у Иліи, Іорданъ на иконѣ Крещенія); море Тиверіадское (на иконѣ Воскресенія)—синяя чернильная лужица (синее море!) съ корабликомъ по срединѣ. Деревья похожи на охапку сѣна, поднятую на вилахъ: нельзя отличить ветлы отъ метлы. Солнце обыкновенно изображается съ глазами, носомъ и ртомъ, огневидное, а луна золотая и тоже съ человѣческой физіономіей: гдѣ же тутъ правда, сходство съ дѣйствительностью?

Иконописцы желая изобразить мѣсто событія, въ то же время какъ будто боятся, что зритель не пойметъ ихъ, если изобразитъ только часть мѣстности, и и потому рисуютъ все мѣсто сполна; наприм., если событіе происходитъ въ церкви (смотри икону Покрова), то изображаютъ не часть только храма, а весь храмъ: колонны, куполы, главы и кресты, отъ этого впадаютъ въ несообразности, нарушая естественную соразмѣрность предметовъ. Желая показать, что преображеніе происходило на горѣ, они ставятъ фигуру Спасителя на какомъ-то конусѣ, около аршина вышины по сравненію съ фигурой: этотъ конусъ изображаетъ собою Ѳаворъ; а ученики такимъ образомъ приходятся не близь Спасителя, а у подножія горы. А на иконѣ Рождества Христова дѣлаютъ наоборотъ: всю вышину иконы занимаютъ изображеніемъ горы; въ ней уже

дѣлаютъ пещеру, а въ пещерѣ изображаютъ событіе. Такимъ образомъ на иконѣ Преображенія фигуры подавляютъ мѣсто, а на иконѣ Рождества наоборотъ мѣсто подавляетъ фигуры: имъ остается незначительный уголокъ, и онѣ выходятъ миніатюрныхъ размѣровъ. И выходитъ опять несообразность: или гора такъ мала, что едва покрываетъ пещеру какъ соломенный шалашъ, либо дерновый курганъ, или пещера такъ велика, что занимаетъ всю полость горной внутренности: въ такомъ случаѣ какой колосальный ростъ должны имѣть фигуры? Не лучше ли было бы изобразить прямо только темную внутренность пещеры, а въ глубинѣ картины отверстіе, въ которое виднѣется ночное небо и звѣзда путеводительница волхвовъ (д). Тогда 1) фигуры занимали бы почти всю вышину иконы не въ ущербъ естественности, 2) несоразмѣрности не было бы, 3) изображеніе было бы рельефнѣе, яснѣе,

Вообще всѣ горы иконописцы дѣлаютъ по какому-то однообразному условному типу. Это обыкновенно очень крутая пирамида желтовато-бѣлаго цвѣта (вѣроятно это означаетъ известковыя скалы, которыми дѣйствительно богаты Палестина и Грецiя) съ уступами какъ будто изъ плитъ черепицы, съ вершиною изъ двухъ отвѣсныхъ скалъ въ видѣ роговъ съ широкими террасами на верхушкахъ. Гдѣ же бываютъ такія мудреныя скалы, смѣющіяся надъ всѣми законами тяжести? Какими невидимыми подпорами поддерживаются эти рогатыя возвышенія въ видѣ V и эти плиты въ родѣ карнизовъ? Потоки спускаются съ этихъ высотъ

(д) Случается видѣть икону Рождества, написанную по золоту: яркій золотой фонъ напоминаетъ жаркій полдень, а между тѣмъ бѣлая звѣзда свѣтитъ матовымъ цвѣтомъ на этомъ блестящемъ небѣ.

въ видѣ узкой синей струистой ленты (икона св. пр. Иліи) между одинакими кустиками щетинистой травки. Гдѣ же и какое сходство съ дѣйствительностію, съ природою, какою мы видимъ ее постоянно? Развѣ это горы, пріосѣненныя чащами, скалы, убѣжище кроликовъ, дубравы съ гнѣздами аистовъ и другихъ птицъ пустыни (Пс. 103)? Посмотрите, кокъ согласно съ дѣйствительностію сдѣланъ ландшафтъ пустыни въ Св. Исторіи Базарова (3 Цар. 17, 6. 7.) Какой чудесный пейзажъ въ картинахъ св. Исторіи ветхаго и новаго завѣта (изд. Шнорра)! Если ужь нѣтъ ничего подобнаго подъ рукою, чѣмъ рисовать щепы и ленты лучше идти въ поле и срисовать какую-нибудь глинистую осыпь надъ рѣчкой или каменистый оврагъ со всѣмъ что тутъ есть, съ отвѣсными обрывами глины, норами-гнѣздами береговыхъ ласточекъ, съ дерномъ и кустами полыни на верху осыпи съ павеликой, которая спускается по скату глины зеленою сѣтью, съ круглыми листьями мать-мачихи у подошвы утеса. Всякій съ перваго раза увидитъ, что это не щепки, а горный обрывъ. Пусть изъ-за этой скалы выбѣгаетъ чистый потокъ и берега его красуются самымъ роскошнымъ прозябеніемъ, пестрѣютъ тысячами цвѣтовъ, а вдали виднѣется голая выжженная пустыня, раскаленное небо, желтые пески вплоть до горизонта, тамъ и сямъ тощія пальмы. Это было бы сходно съ обстоятельствами (3 Цар. 17 18) и климатомъ.

Надобно учиться у великихъ художниковъ. Они любили природу и прилежно изучали ее; они вездѣ, гдѣ можно по смыслу картины ввести ландшафтъ, гдѣ происходило событіе—на горѣ, въ пустынѣ у моря—старались глубь картины занять красивымъ мѣстопо-

ложеніемъ, зная, что это много возвышаетъ красоту художественнаго произведенія. Даже тамъ, гдѣ можно было обойдтись безъ ландшафта, они старались вводить его: напримѣръ на изображеніи Тайной Вечери (Леонарда да Винчи) сквозь окна и двери виднѣется веселый пейзажъ; на кортонѣ Рафаеля «Смерть Ананіи»—въ пролетѣ справа картины видны горы и деревья; на картинѣ Тиціана: «Жена, ятая въ прелюбодѣяніи,» въ глубинѣ виднѣются разнообразныя зданія, мостикъ, дерево, развалины башни... Отчего не подражать такимъ примѣрамъ?

Пишите вы бѣгство во Египетъ, искушеніе на горѣ сорокодневной (е), или притчу о добромъ Самарянинѣ,—прекрасный случай написать дикую горную мѣстность, безплодныя ущелія, сухія опаленныя вершины въ стилѣ Сальватора Розы (Итальянца † 1673 г.) (ж), какія попадаются на югъ отъ Іерусалима въ окрестностяхъ Кедронскаго ущелія и Мертваго моря. Пишите бесѣду съ Самарянкою, явленіе Магдалинѣ въ вертоградѣ, Крещеніе, застелите даль роскошнымъ тропическимъ пейзажемъ: пусть на первомъ планѣ стоятъ кусты кактуса, алое, блестятъ сочною зеленью широкіе листья разныхъ растеній; пусть вдали виднѣются пальмы. Пальма—эмблема Сиріи и Палестины. Въ пустынѣ Сиріи лежитъ въ развалинахъ Соломоновъ градъ финиковъ (3 Цар. 9, 18), Пальмира. Съ пальмовыми вѣтвями встрѣчали отроки еврейскіе грядущаго Мессію. Въ жаркихъ странахъ берега рѣкъ, ключей и потоковъ покрыты самою роскошною растительностію (Пѣснь Пѣсней 4, 12—15. 6, 10). Іорданскіе берега

(е) Странникъ 1865 г. Мартъ.
(ж) Вѣстникъ Евр. 1805 № 15.

изумляютъ путешественниковъ богатствомъ зелени (Быт. 13, 10); они повсюду опушены кустарниками, деревьями, тростникомъ. «Низменная часть долины, говоритъ Линчъ, заключающая въ себѣ самое русло рѣки постоянно покрыта вѣчною зеленью и благоухающими цвѣтами. Священная рѣка, оросившая своими водами главу Спасителя, дѣлаетъ тысячи красивыхъ излучинъ и съ зеленою каймою своихъ береговъ кажется веселою полосою среди унылой глади пустыни. Въ красивыхъ лѣсахъ и кустарникахъ, одѣвающихъ берега, раздается пѣніе пташекъ, сливающееся съ гармоническимъ ропотомъ быстрыхъ волнъ и съ дальнимъ журчаніемъ или близкимъ грохотомъ водопадовъ и стремнинъ. Красота русла и его береговъ удивительно возвышается отъ рѣзкой противоположности съ печальнымъ однообразіемъ дикой окрестной пустыни.»

Нѣкоторыя мѣста теченія очень живописны: то дикій неукротимый потокъ катится съ горы, неся святой рѣкѣ дань своихъ водъ; то тихій ручей вливается въ нее съ тихимъ журчаніемъ своихъ кристальныхъ струй; то проносится надъ журчащимъ водопадомъ, усаженнымъ острыми скалами, стая поющихъ птицъ; то длинныя ивовыя вѣтви образуютъ надъ русломъ рѣки натуральный зеленый сводъ изъ длинныхъ остроконечныхъ листьевъ, а по вѣтвямъ вьются ползущія чужеядныя растенія съ красивыми благоухающими цвѣтами. Морская ласточка быстро кружится надъ водопадомъ, и исчезаетъ въ чащѣ зелени, а за роскошнымъ садомъ, насажденнымъ рукою природы, виднѣются отдаленныя горы, окаймляющія равнину» (з).

(з) Природа съ ея таинствами и богатствами, Хотинскаго 1851. Т. 1.

Пишите Воскресеніе,—случай написать прекрасное утро;—путешествіе въ Эммаусъ—чудесный вечеръ, румяное небо, лиловыя горы, городокъ подъ навѣсомъ скалы, подернутый сизымъ вечернимъ паромъ; Моленіе о чашѣ,—садъ освѣщенный луною; хожденіе по водамъ —грозная ночная буря на морѣ: черные бѣлоголовые валы, блескъ молніи въ темномъ пространствѣ, изорванные паруса, сломанныя весла, развѣвающіяся одежды...

Изъ всего вышеозначеннаго становится понятно, что пейзажъ возможенъ и примѣнимъ главнымъ образомъ при расписываніи стѣнъ храма, гдѣ просторъ и большіе размѣры изображеній даютъ возможность отличиться этою стороной художественнаго таланта. Живописцы, которымъ обыкновенно поручается эта работа, лучше изображаютъ природу, чѣмъ простые иконописцы, но будучи мало знакомы съ географіей, ошибаются тоже довольно нерѣдко и дѣлаютъ промахи довольно крупные. Въ церкви, при которой пишущій эти строки имѣетъ честь быть служителемъ, есть изображеніе явленія Бога Моисею въ горящей купинѣ. Зритель, къ немалому изумленію, позади Моисея замѣчаетъ группу елей или пихтъ—и гдѣ же на вершинѣ Хорива! Въ одной церкви на изображеніи бѣгства во Египетъ весь горизонтъ унизанъ остроконечными вершинами елей. На изумленіе пишущаго эти строки нѣкто, правда, отвѣчалъ, что и на Суэзскомъ перешейкѣ и въ Аравіи могутъ быть ели, на томъ основаніи, что, по словамъ книги Бытія, Агарь оставила Измаила подъ *елію* (21, 16): но по справкѣ оказывается, что это неточность перевода; въ другихъ переводахъ стоитъ просто *кустарникъ*, что подтверждаютъ и Записки на кн.

Бытія. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ писанія (3 Цар. 5, 9. Осіи 14, 9) и отзывамъ путешественниковъ (и), хвойныя деревья росли въ Палестинѣ, но конечно на высотахъ Ливана, Антиливана и т. п, отнюдь не на пескахъ Суэзскаго перешейка или на раскаленныхъ солнцемъ скалахъ Хорива или Синая. Наоборотъ, на иконѣ святителя Митрофана у живописцевъ можно видѣть изображеніе пальмы! Пальма, сколько извѣстно, не восходитъ выше сѣверной Италіи (именно Флоренціи); на югѣ Италіи еще можно встрѣтить вмѣстѣ пальму и сосну (точнѣе *пинію*, италіанскую сосну) (і). Но это исключеніе; вообще пальма принадлежность тропическихъ странъ; ель и сосна—растенія странъ умѣренныхъ и холодныхъ приполярныхъ; если и растутъ онѣ въ странахъ теплыхъ, то по высокимъ горамъ, гдѣ царствуетъ прохлада умѣреннаго пояса. Долы и равнины Галилеи и Іудеи засажены смоковницами, холмы оливами (к). Поэтому Шнорръ справедливо свои картины библейской исторіи такъ щедро украшаетъ фиговыми деревьями и виноградомъ. Богатые сады Виѳлеема, апельсинныя рощи Яффы, Ремли, Дамаска, Триполи и всего побережья Палестины къ средизем-

---

(и) Особенно прекрасны по своей растительности, говоритъ Буккингамъ, горы Гилеадскія, облегающія рѣчку Явокъ съ сѣвера и съ юга. Большая часть этихъ горъ одѣта великолѣпными дубовыми лѣсами. Окрестности хоразинскія отличаются обиліемъ краснаго лѣса, внизу по долинамъ вѣчнозеленые дубы, на хребтахъ горъ сосны и между ними мелкій лѣсъ. См. Душеп. Чтеніе 1865 г. Сентябрь.

(і) См. Воскр. Досугъ 1866 № 156. Изображеніе замка С. Эльма: на первомъ планѣ пальма, вдали влѣво пинія.

(к) Прав. Обозр. 1866 г, ст. V.

ному морю обнесены вмѣсто, рѣшетокъ и изгородей, живыми цвѣтами, или стѣнами высокорослаго кактуса (л). Гдѣ же тутъ возможность рости елямъ? Даже дубы не росли въ этихъ удоліяхъ, нагрѣвающихся въ жаркое время какъ печка, а селились по высотамъ Хеврона (гдѣ происходило Богоявленіе въ видѣ трехъ странниковъ) и горамъ Васанскимъ. Къ слову замѣтимъ, что иконописецъ, изображая Троицу, вмѣсто одинокаго дуба мамврійскаго, имѣетъ возможность и право изобразить цѣлую рощу и поставить трапезу и шатеръ Авраама въ тѣни дубравы (См. Записки на книгу Бытія). Лѣсъ сей дубравы, по свидѣтельству А. С. Норова (2, 83), и доселѣ еще своими огромными деревьями осѣняетъ лежащія въ немъ развалины.

Разумѣется въ подобныхъ случаяхъ нужна осторожность, чтобы не написать чего-нибудь небывалаго.

Теперь слѣдуетъ нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Рай у иконописцевъ обыкновенно изображается слѣдующимъ образомъ: каменная или кирпичная ограда; въ ней, вдали, по бѣлому фону деревья, а ближе четыре параллельныя волнистыя ленты изображаютъ рѣки райскія (м). Соображая слова Писанія (Б. 2. 4. 19), надобно полагать, что рай находится въ живописной горной мѣстности, въ какомъ-нибудь горномъ центрѣ или узлѣ, потому что изъ него въ разныя стороны вытекали разныя рѣки. Принимая это во вниманіе, можно бы рѣки райскія изображать слѣдующимъ обра-

---

(л) С. От. 1862 г. Мартъ № 68,—Душеп. Чт. 1866 г. Январь.

(м) Dictionnaire Мартиньи, см. о древнихъ изображеніяхъ рая стр. 505.

зомъ: представьте утесистую гору, имѣющую подобіе стула или кресла: изъ скалъ, соотвѣтствующихъ спинкѣ стула, падаетъ ключъ и на сидѣньи образуетъ горное озеро, изъ котораго въ четырехъ мѣстахъ прорываются и шумными каскадами падаютъ внизъ четыре потока. Два изъ нихъ, уходя за гору, исчезаютъ въ лѣсныхъ чащахъ въ глубинѣ картины, а два текутъ къ зрителю. Такое изображеніе, не выходя изъ предѣловъ возможности, наглядно представляло бы слова бытописателя: *рѣка же исходитъ изъ* (горъ) *Эдема напаяти рай* (образуетъ озеро) *и оттуда разлучается на четыре начала* (рѣкъ). (Быт. 2, 10.)

Когда приходится иконописцамъ изображать ограду сада (напр. изображая моленіе о чашѣ), они дѣлаютъ деревянный частоколъ (явленіе Магдалинѣ въ исторіи Базарова). И красивѣе и правдоподобнѣе было бы писать стѣнку, сложенную изъ неотесанныхъ глыбъ дикаго камня или живую изгородь изъ колючихъ кустовъ кактуса. И то и другое въ употребленіи въ Палестинѣ съ глубокой древности (Сирах. 28, 27. Исаіи 5, 5) и остается въ употребленіи доселѣ (н). Садъ горы Масличной доселѣ охраняется подобною оградою.

Желательно, чтобъ иконописцы, изображая святаго или какое событіе, занимали глубину иконы, по возможности, такимъ видомъ, который бы напоминалъ обстоятельства происшествія изъ жизни того, кто изображенъ. Въ иконахъ пустынножителей русскихъ обыкновенно у ногъ ихъ изображается монастырь съ высокою колокольнею и многоглавыми храмами. Отчего

(н) Душеп. Чт. 1865. Сентябрь, С. От. 1862 марта № 68. Душеп. Чт. 1666. Январь. —

не изобразить кругомъ панораму синѣющаго дремучаго бора? Наши древніе отшельники обыкновенно избирали себѣ мѣсто жительства гдѣ нибудь въ глухой чащѣ непроходимаго лѣса. Вотъ гдѣ ели не были бы ошибкой. На иконѣ пр. Маріи Египетской можно представить ее стоящею на песчаной площадкѣ, обставленной голыми скалами, какъ бы въ руслѣ изсохшаго потока: это будетъ указывать на мѣсто ея жительства и погребенія. На иконѣ св. великомученицы Екатерины можно изобразить видъ горы Синая и монастыря св. Екатерины, который стоитъ подъ горою (о). На иконѣ Зосимы и Савватія можно изобразить вдали море, въ рукѣ одного изъ нихъ свитокъ съ изображеніемъ улья, окруженный пчелами, цвѣтами и плодами:—эмблема общежительнаго иноческаго житія съ его духовными цвѣтами и плодами, и указаніе на святое покровительство этихъ преподобныхъ пчеловодству. На иконѣ св. мучениковъ Конона и Ѳоки вертоградарей можно представить ихъ съ заступомъ въ рукѣ: у ногъ корзина съ разными плодами и овощами: огурцами, яблоками, капустой и т. п. Хотя капуста почитается растеніемъ сѣвернымъ (родомъ изъ Голландіи), но она была извѣстна древнимъ и составляла пищу бѣдняковъ. Капустой кормили римскіе богачи своихъ голодныхъ кліентовъ и ненасытныхъ паразитовъ, что видно изъ сатиръ Ювенала (п). Тогда и народъ видѣлъ бы, что это были люди подобострастные намъ (Дѣян. 14, 15), не гнущались такъ называемой черной работой и «искушени бывше могутъ и искушаемымъ помощи (Евр. 2, 18).

(о) Видъ Синая и монастыря, снятый съ натуры Делабордомъ. См. Въ картинахъ Свѣта.

(с) Руск. Вѣст. Окт. Кн. 1-я.

На образѣ Предтечи иногда встрѣчается изображеніе сѣкиры, которая при корени древа лежитъ: древо при этомъ пишется развѣсистое какъ бы многолѣтнее, но очень маленькое въ сравненіи съ сѣкирой, особенно съ Предтечей. Не было ли бы лучше сдѣлать такъ: въ руку Крестителя дать развернутый свитокъ и въ немъ изобразить слѣдующій пейзажъ: берега Іордана, который, извиваясь межну холмами и перелѣсками, изчезаетъ въ отдаленіи: на переднемъ планѣ, на крутомъ обрывистомъ берегу пасется агнецъ (Іоан. 1, 29) подъ тѣнью высокаго развѣсистаго дерева, у корней котораго, въ срубленномъ пнѣ, воткнута сѣкира (Лук. 3, 9). Берегъ опушенъ волнующимся тростникомъ. (Л. 7, 24—29) Этотъ пейзажъ напоминалъ бы зрителю: 1) мѣсто подвиговъ Крестителя,—пустыню и страну Іорданскую, 2) предметы его проповѣди: Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра и сѣкиру ожидающую народъ непокорный, не приносящій плодовъ покаянія, сѣкиру, которая окончила дни самаго проповѣдника, 3) наконецъ отзывъ Господа Іисуса Христа о великомъ пустынножителѣ: *чесо изыдосте въ пустыню видѣти, трость ли вѣтромъ колеблему?* На загибѣ свитка можно выставить цитаты для грамотныхъ зрителей. Практика первенствующей Церкви освятила подобные символическіе намеки и картины.

Наконецъ послѣдній планъ всякаго пейзажа—*небо* рисуется, можно сказать, хуже всего, тогда какъ едва ли что-нибудь можетъ быть лучше небеснаго свода со всѣми его красотами. Этотъ поразительный шатеръ, этотъ океанъ, разлитый надъ нашими головами, украшается ежечасно новыми узорами разнообразныхъ, постоянно измѣняющихся красокъ, очертаній и формъ.

Мы подобно животнымъ привыкли смотрѣть только въ землю и на землю, забывая о горнемъ отечествѣ своемъ; еслибы, помня призваніе наше *горнее мудрствовать* и очи имѣть горѣ (ανθροπος), мы чаще и больше обращались къ небесамъ, какихъ чудесъ и красотъ не насмотрѣлись бы тамъ! Утро и вечеръ украшаютъ небо попеременно самими неуловимыми оттѣнками свѣта и тѣни, самыми гармоническими сочетаніями пурпура и золота. Въ полдень оно, сіяя невыносимымъ для глазъ блескомъ, поражаетъ глубокою синевою своей лазури; въ полночь, будучи темно, оно тѣмъ не менѣе сіяетъ разнообразнымъ блескомъ безчисленныхъ свѣтилъ, разсѣянныхъ по его пространнымъ полямъ. Красота звѣзднаго неба понятна и извѣстна болѣе или менѣе всякому потому, что среди молчанія ночи и уединенія, когда все земное покрыто мракомъ и мглою, вниманіе наше невольно обращается къ этимъ сіяющимъ безднамъ. Но не меньше великолѣпны небесные своды и въ день (для имѣющаго очи видѣти): какая лазурь! Какіе эфекты производитъ свѣтъ, прорываясь сквозь тучи! Какъ удивительны призматическіе колера радуги! Какіе облака, какихъ формъ не принимаютъ они! То волнистыми грядами тумана вьются они надъ горными высями, то какъ стада бѣлорунныхъ агнцевъ, разсыпанные на злачныхъ пастбищахъ, сіяютъ въ недостижимой высотѣ; то при измѣняющемся вѣтрѣ золотыя, лиловыя плывутъ одни мимо другихъ какъ стаи кораблей, обдаваясь свѣтомъ или мракомъ; то разорванныя бурею мчатся будто отряды бѣгущаго воинства въ полумракѣ ненастнаго вечера; то огромными массами неподвижно синѣютъ лѣсистыми горами или зубчатыми твердынями. *Яко узрю небеса дѣла перстъ Тво-*

ихъ, луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси: что есть человѣкъ, яко помниши его (Пс. 8)? Хотя ландшафтъ въ храмовой живописи занимаетъ второстепенное мѣсто, однако истинный художникъ, понимающій и любящій свое служеніе, постарается отличиться и по этой части; не станетъ пренебрегать и пейзажемъ на иконахъ. Во первыхъ икона (не говоря о красотѣ) отъ этого пріобрѣтаетъ больше занимательности, назиданія, указывая самою обстановкою разныя частности, недосказанныя изображеніемъ: мѣстность; образъ жизни и т. п. Во вторыхъ, изображая природу въ ея идеальной красотѣ и величіи, тѣмъ самымъ художникъ красотою творенія восхваляетъ Творца природы и напоминаетъ, что природа, при всемъ ея великолѣпіи, все еще далека отъ своего первобытнаго состоянія и воздыхаетъ о своей райской красотѣ и славѣ.

Потому-то великіе художники съ неутомимою любовію изучали природу во всѣхъ ея явленіяхъ.—

НЕКРОЛОГЪ.

Недавно умеръ въ Кіевѣ инспекторъ и профессоръ полтавской духовной семинаріи, Ананія Семеновичъ Шереметинскій. Съ двумя сынами онъ поѣхалъ въ половинѣ іюля на богомолье въ Кіевъ, гдѣ когда то, какъ уроженецъ кіевской епархіи (1), учился въ семинаріи и потомъ въ академіи. На другой же день по пріѣздѣ въ Кіевъ заболѣлъ разстройствомъ желудка съ рвотою. При органическомъ поврежденіи сердца и отекѣ ногъ, какъ оказалось по медицинскому изслѣдованію, леченіе больнаго было не легко. Болѣзнь, вслѣдствіе предварительнаго разстройства во всемъ организмѣ больнаго, а можетъ быть и вслѣдствіе какой либо діетической неосторожности, приняла худой оборотъ. У больнаго открылась горячка съ бредомъ и получила чрезвычайно быстрое и опасное развитіе. По участію къ больному начальниковъ семинаріи, приглашены были къ нему и другіе врачи, пользующіеся въ Кіевѣ авторитетомъ; но врачебныя пособія оказались безъуспѣшными. Шереметинскій, послѣ надлежащаго христіанскаго напутствованія, скончался 22 іюля вечеромъ. Отецъ ректоръ се-

(1) Липовецкаго уѣзда села Бачкурина, Параскевской Церкви, умершаго священника сынъ. Окончилъ курсъ семинаріи 1835 г., а въ академіи 1839 года съ степенью магистра богословія, и поступилъ профессоромъ въ курскую семинарію.

минаріи, о. инспекторъ той же семинаріи и экстра ординарный профессоръ кіевской духовной академіи Петръ Александровичъ Лашкаревъ, которые принимали самое искреннее участіе въ Ананіѣ Семеновичѣ во время его болѣзни, позаботились и о приличномъ по возможности погребеніи его. Къ участію въ немъ приглашены были и наставники семинаріи; профессоры академіи и немногіе изъ кіевскаго духовенства, не состоящаго на училищной службѣ, помнящіе покойника, поучаствовали также въ его похоронахъ. 24 іюля ректоръ семинаріи совершалъ заупокойную литургію, затѣмъ преосвященный Порфирій, епископъ чигиринскій, викарій кіевской епархіи, въ сослуженіи съ о. ректоромъ, и инспекторомъ, и нѣсколькими священнослужителями изъ духовенства, принадлежащаго и непринадлежащаго къ учебному вѣдомству, совершалъ надъ покойнымъ обрядъ погребенія въ семинарской церкви. Пѣли архіерейскіе пѣвчіе. За тѣмъ усопшій отнесенъ былъ на щекавицкое кладбище учениками семинаріи кіевской, оставшимися здѣсь на вакаціи и—полтавской, пріѣхавшими сюда по первой вѣсти о болѣзни Шереметинскаго. О. инспекторъ семинаріи архимандритъ Ѳерапонтъ, бывшій нѣкогда ученикомъ покойнаго Шереметинскаго въ курской семинаріи, поусердствовалъ провожать покойника къ могилѣ, не смотря на дождь, пустившійся въ ту пору. Погребеніе было не пышно, но очень прилично.

Вотъ уже прошло тридцать два года, какъ я впервые увидѣлся съ Ананіею Семеновичемъ, при поступленіи въ академію. Нѣкоторые изъ поступившихъ вмѣстѣ съ нами въ академію товарищей произвели на меня съ перваго раза впечатлѣніе, не забытое доселѣ; но объ Ананіѣ Семеновичѣ не могу сказать этаго. Какъ

то не вдругъ пришлось мнѣ узнать его, но узнавши его я питалъ къ нему нѣкотораго рода уваженіе. Какъ теперь, вижу этого маленькаго ростомъ, но всегда бодраго, проворнаго и неутомимаго труженика. Аккуратность въ занятіяхъ и даже нѣкоторая кропотливость въ нихъ были, по правдѣ сказать, качествомъ, котораго я не имѣлъ, и которое, думалось, не худо бы имѣть и себѣ. Вотъ первая мысль, какую возбудилъ во мнѣ тогда Ананія Семеновичъ своимъ непрестаннымъ трудолюбіемъ въ продолженіи всего чотырехлѣтняго курса въ академіи. Онъ былъ всегда тощъ и по видимому слабосиленъ, но никогда, сколько помню, не лѣчился въ больницѣ: признакъ хоть и не крѣпкаго, но и не разстроеннаго, здоровья. Не пришлось мнѣ сблизиться съ нимъ особенно, да онъ, кажется, ни съкѣмъ и не водилъ особенной дружбы, но всѣ товарищи любили Ананію Семеновича за мягкость его характера и равно, благородное и одинаковое обхожденіе со всѣми. Одно уже то разполагало къ нему, что онъ никогда не вмѣшивался въ интриги, неизбѣжныя между сотнею неоднокурсныхъ студентовъ. Но вотъ мы кончили курсъ съ потраченнымъ нѣсколько здоровьемъ, но съ свѣжими нравственными силами, и какъ нѣкогда *сыны пророчи*, разошлись изъ мѣста нашего воспитанія, которое уже было *тѣсно намъ*, и *веземши кійждо по бервну едину*, возложенному на насъ нашими начальниками, пошли въ указаныя намъ мѣста, чтобы *созидать обиталища* (4 Царств. 6. 1. 2), или покрайней мѣрѣ присоздать нѣчто къ благолѣпію храмины духовныхъ наукъ. Здѣсь не у мѣста говорить, кто изъ насъ и что сдѣлалъ въ этомъ дѣлѣ. Предоставляю другимъ, которымъ болѣе меня извѣстна служебная дѣятельность

покойнаго Ананія Семеновича изобразить ее въ особомъ очеркѣ.

Миръ праху твоему, добрый товарищъ Ананія Семеновичъ! Я, какъ постоянный житель Кіева съ 1835 года, услышавши о пріѣздѣ его въ Кіевъ, ждалъ его къ себѣ, какъ гостя, и послѣ напраснаго ожиданія, вдругъ узнаю, что онъ больной при смерти лежитъ въ семинарской больницѣ. Какъ будто нарочно пріѣхалъ покойный помолиться предъ смертію въ томъ святомъ городѣ, въ которомъ издѣтства пріученъ къ благоговѣйной молитвѣ, и умереть въ больницѣ той семинаріи, гдѣ получилъ первоначальное воспитаніе. Онъ положенъ неподалеку на сѣверо-западъ отъ Щекавицкой церкви во имя всѣхъ святыхъ, къ лику которыхъ да причтетъ Господь и сего новопреставленнаго раба своего Ананію.

Константинъ Д—въ.

— *Пятидесятилѣтняя годовщина архіерейства высокопреосвященнаго митрополита московскаго и коломенскаго Филарета*, произходившая 5 августа въ Троице-Сергіевой лаврѣ, совершилась вполнѣ величаво. Къ московской паствѣ, собравшейся принести своему архипастырю дань глубочайшаго уваженія, по случаю годовщины пятидесятилѣтняго его служенія въ архіерейскомъ санѣ,— присоединились еще депутаты отъ духовнаго и различныхъ обществъ и корпорацій со всѣхъ концовъ Россіи. Его Высокопреосвященство самъ не могъ, по слабости здоровья, совершать богослуженіе и потому причащался Святыхъ Тайнъ въ домашней церкви своихъ митрополичьихъ палатъ. Епископы и архіепископы, прибывшіе на торжество въ лавру, совершали службу въ соборахъ: Троицкомъ и Успенскомъ. Нѣкоторые изъ архіереевъ не участвовали, впрочемъ, въ служеніи литургіи, а присоединились къ служенію только во время благодарственнаго молебна. Для молебна были сочинены, для возглашенія на эктеніи, особыя прошенія, соотвѣтствовавшія празднику.

Послѣ молебствія, при торжественномъ звонѣ колоколовъ, всѣ прибывшіе въ лавру привѣтствовать митрополита отправились въ его покои. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ Толстой, произнесъ громко

поздравленіе отъ имени Государя Императора, Государыни Императрицы и всей Царской Фамиліи; затѣмъ былъ прочтенъ графомъ Высочайшій рескриптъ, который подписанъ того же дня (т. е. 5 августа) въ Ливадіи. Въ этомъ рескриптѣ, вмѣстѣ съ краснорѣчивымъ перечисленіемъ пастырскихъ, государственныхъ и ученыхъ заслугъ митрополита, возвѣщалось, что его высокопреосвященству жалуется, по кіевскому обычаю, предшествіе креста въ богослуженіи, крестъ поверхъ митры и панагія (вторая) на бриллiантовой цѣпи. Кромѣ того Государь Императоръ изволилъ прислать портреты свой и двухъ своихъ державныхъ предшественниковъ, въ царствованіе которыхъ высокопреосвященный Филаретъ занималъ архіерейскую каѳедру. Портреты эти, усыпанные бриллiантами, послужатъ столовымъ украшеніемъ архипастырю. Митрополитъ, возложивъ на себя панагію, отвѣтствовалъ на чтеніе рескрипта нѣсколькими словами. За тѣмъ графъ Толстой передалъ распоряженіе Святѣйшаго Синода по случаю юбилея, и упомянулъ о полученіи привѣтственнаго адреса отъ митрополита Сербскаго Михаила,— а преосвященный Леонидъ, епископъ Дмитровскій, произнесъ привѣтствіе отъ московской паствы. Вслѣдъ за нимъ и прочія депутаціи начали, вмѣстѣ съ своими поздравленіями, подносить привѣтственные адресы, а нѣкоторыя и иконы. Несмотря на то, что лишь нѣкоторые изъ привѣтственныхъ адресовъ были прочтены, торжественный пріемъ депутацій продолжался болѣе двухъ часовъ. Когда всѣ удостоились принять благословеніе

отъ архипастыря, онъ поручилъ своему викарію, епископу Леониду, прочесть его слово, которымъ высокопреосвященный отвѣчалъ на привѣтствія всѣхъ поздравленій. Слово это произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Владыка, утомленный продолжительнымъ пріемомъ, удалился въ свои покои, пригласивъ гостей пожаловать къ обѣденному столу накрытому въ трапезѣ лавры. За этимъ обѣдомъ были провозглашены тосты съ многолѣтіемъ и пѣвчіе пѣли канты. Вечеромъ въ лаврѣ была устроена иллюминація. Стеченіе народа за оградой монастыря было многочисленное. Въ Москвѣ наканунѣ во всѣхъ церквахъ происходило всенощное бдѣніе, въ самый день пятидесятилѣтія — молебны послѣ литургіи. Успенскій соборъ былъ до того полонъ народомъ, что многіе стояли на паперти. *(Моск. В.)*.

Печ. доз. 14 августа. Кіевъ, 1867 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ*.
Въ типографіи И. и А. Давиденко.
(Аренд. С. Кульженко и В. Давиденко).